

THE SYSTEM OF GOVERNMENT REGULATION OF ISLAM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1905-1917: BY THE EXAMPLE OF THE ORENBURG MOHAMMEDAN CLERICAL ASSEMBLY

Dmitriy Yur'evich Arapov,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, Russia,
historicbetzy777@yandex.ru

This article is devoted to the system of government regulation of Islam in the Russian Empire in the period starting from the Revolution of 1905-1907 up to the February Revolution of 1917 exemplified by of the Orenburg Mohammedan Clerical Assembly. The article focuses on the analysis of the offers of the Ministry of Internal Affairs' officials, as well as the analysis of Special Councils which had all aimed at solving the Muslim issue.

Key words: Islam, Russian Empire, Orenburg Mohammedan Clerical Assembly, government regulation, Department of Religious Affairs of Foreign Confessions.

Among other implications of the events of January 9, 1905, fateful for the tsarist autocracy, there was the need to deliver the “extension” of the limits of religious tolerance as promised in 1903-1904. It accelerated discussion of the relevant legislation in the Committee of Ministers. The ober-prosecutor of the Holy Synod, K.P.Pobedonostsev, who had been all-powerful in former times but was noticeably losing authority at that time, understood the preparation of this law as complete collapse of his lifetime's work. The processes taking place in the Muslim world had always worried him. He constantly stressed the particular importance of church schools and the activity of Orthodox missions in the Muslim areas of the empire, as well as the preparation of “polemical work against the teaching of the Koran” to be able to “compete with Islam” [1: 181]. Evaluating contemporary events, Pobedonostsev wrote bitterly in March, 1905: “Intended is the grant of freedom to Muslim propaganda. It is a terrible thing. Islam is a terrible force that does not down their weapons even for a moment... Muslim religion differs from other religions in the degree of faith and fanaticism ... in its unification of the whole Muslim world. Fighting with it spiritually is impossible ... 30-40 years ago in our lands, especially in the eastern outskirts and in our eastern regions, were established christened Tatar schools... [Now – D.A.] these schools will perish under the pressure of Muslim propaganda, when freedom is given to it, and then the whole mass of foreigners will [fall away from orthodoxy – D.A.], little by little will be Muslim, will be ... a huge Muslim force. Islam ... is growing, it has ranks of preachers ... and permanent relations with Asian and African centers of Islam” [2: 204-205].

Revolutionary events, however, did not allow autocracy to defer decision-making about the expansion of “religious freedom”. On April 17, 1905 the decree of “religious tolerance” started up; a range of concessions was promised for non-Christian subjects, including the Muslim subjects of the empire. In particular, it was assumed that it was possible to simplify the problem of opening new mosques, Muslim educational institutions – maktabs and madrasas, to change the procedure of election and appointment of persons of higher and lower “Mohammedan clergy”, to establish special clerical administrations for the Muslims of the North Caucasus, Steppes Region, and Turkestan [3: 78-88].

Finally, the Manifesto of 17 October, 1905 legalized the freedom of discussion with respect to vital issues of Russian life, including “Muslim affairs”. Now the existence of a number of Muslim organizations and public meetings (Muslim congresses, the Muslim faction in the I-IV State Dumas, etc.) was admitted. However, the tsarist administration had no real desire to discuss the problem of Islam in Russia with the Muslims. In the last decade of the monarchy traditionalist-minded groups of the Russian Muslim community (“Kadims”), who opposed any changes and reforms, enjoyed the greatest support from the imperial government.

In such circumstances, the issues concerning organization of the religious life of the Russian “Muslim community” were considered by the Muslim community and the government officials apart from each other, these discussions took place as if being in two different spaces, converging due to only one fact – the presence of the same subject.

For this reason, the two proposals of those interested in “Islamic affair” groups are considered below.

The main forms of administrative discussion of the “Muslim issue” in the period after 1905 were the so-called Special Councils –special interagency or interdepartmental “institutions”, which were assembled to consider the most important of the Muslim problems for the authorities’ aspects. Sometimes these meetings were entirely devoted to the “Islamic affair”, sometimes this was only a part of the overall complex of themes, analyzed in order.

Thus, in spring 1906, the Special Council on the faith affair under the chairmanship of General A.P.Ignatyev started the session, where Islam was merely one of the important questions on the agenda, but not the most important. The problem gathered a large number of proposals and was worked on quite actively, but at the request of the Ministry of Internal Affairs (MIA) on May 28, 1906 the Special Council ceased its activities. This was due to the fact that with the establishment of the State Duma and “with the changing of the order of new laws’ adoption” it was decided “not to make more projects, but only to collect materials” for further legislative work. Meanwhile, according to the officers of the Interior Ministry, before the meeting of the Special Council in 1906 and during its work nearly 500 (!) applications, requesting “revision procedures for their religious life” were received solely from Muslims, notwithstanding the non-Muslim community. As MIA employees considered, this confirmed the existence of “the need to review the whole legislation for Muslims” which became “a matter of long-standing demand” [4: 11-12].

From the documents considered during the Special Council in 1906, it is necessary to focus primarily on two of the most significant materials on Islam – the note about “Sunni Muslims” written by the prominent imperial dignitary, V.P.Cherevansky, and comments on this note by another participant of the Council, Privy Councillor, A.S.Budilovich. The latter was the chairman of the meeting, convened by the Ministry of Public Education in August, 1905. At this Special Council on “the Problems of Education of eastern foreigners” the issue of the “restriction” of Islam in the non-Russian school and “the strengthening” in the “Mohammedan environment” of the “Russian educational principles”, necessary for the strength of the empire, were widely discussed [5: XXXI-XXXIV, 14]. In our opinion, the materials of

Cherevansky and Budilovich most clearly represent the essence of the proposals of the imperial authorities to transform the system of state regulation of Islam in the country.

Cherevansky’s speech at the Special Council in 1906 was in fact the presentment of his “Note for the Sunni Muslim Faith”, which had been prepared by the author in 1905. The central premise of Cherevansky was the protection of the thesis about the need for the most possible “decentralization” and “disunity” of the Muslim population of the empire, and the encouragement of “hostile” relationships between “diverse Muslim tribes and flows”, especially between the Sunnis and the Shiites. According to him, “in the near future each unification of mingled Muslim groups in the Tatar religious community would be the act of great imprudence” for the empire. That is why Cherevansky insisted on “dismemberment” and reordering of the existing Muslim clerical districts. So, assuming that the Orenburg Mohammedan Clerical Assembly (OMCA), that is the Orenburg muftiat, would turn into an “Islamic Rome”, Cherevansky proposed to divide it: a) according to its “territory” and b) for those peoples who have their “history”. According to his plan, the following Muslim clerical district boards could be created: 1) St. Petersburg (with the center in St. Petersburg), 2) Siberia (centered in Troitsk or Petropavlovsk), and 3) Bashkir (centered in Ufa). In Cherevansky’s opinion, this measure was urgently needed “for the security interests of the empire”, because, as he thought, “we can no longer leave the Orenburg Muftiat in its present limits and in the time of centralization of administrative actions, which surpasses the centralization of any department in Russia”. The author of the note on the “Sunni Muslims” also offered to “cut” the jurisdiction of the Tauride Muftiat, handing the Muslims of the Western provinces who were under his authority, over to the authority of the newly-created Petersburg Muslim district board. At the same time, significantly contradicting himself, Cherevansky thought it possible to enlarge the management of the Sunni Muslims of the Caucasus, thus subordinating the Sunni North Caucasus to the Transcaucasian Sunni clerical board in Tiflis.

Most of all, Cherevansky was concerned with the situation in Central Asia. He considered it necessary to stop the “infinitely vague and abnormal situation of faith-teaching” for the “Kirghiz” Muslims and create the “Kirghiz-Kaisatsk” Muslim district board, herewith “suppressing” the attempts of “Tatarification of “Kirghiz” Muslims”. According

to Cherevansky's plan, the Tatars who lived in the steppes, also had to come under the jurisdiction of the newly-created Muslim clerical board. Cherevansky particularly stressed the need to allow the Bashkirs and "the Kirghiz people" to teach in their native languages in Muslim schools; he saw it as a way of combatting "Tatarizm". Cherevansky, who, as noted above, served in Turkestan for a considerable time, had no illusions in relation to its Muslims. He wrote about it: "If serious measures are not taken, then this region [Turkestan] ... will remain forever a military camp, devouring the Russian treasury and representing an important danger from close and distant neighbors and from its own closely united Muslim population". In general, Cherevansky was a supporter of the Kaufman policy on "ignoring Turkestan Islam" and waging a battle "against Islam by complete separation of the church from the state" [6: 94-141].

During the Special Council in 1906, Budilovich agreed with Cherevansky about the necessity of changing the structure of the Muslim clerical boards, and expressed a number of his own, noticeably different comments and suggestions. Thus, he believed, that when opening new "Mohammedan clerical boards", "geographical" and "tribal" factors needed to be taken into consideration. Therefore, in his opinion, it would be fair to open the following bodies: the board for "Russified" Muslim Tatars of the "Western provinces" in Vilna; the board for the Volga region Tatars in Kazan and Astrakhan; and the board for the "Mohammedizing" Chuvash people, Cheremisses and Votyaks [Mari and Komi – D.A.] in Tobolsk and Tomsk. According to Budilovich, the establishment of boards of Muslims in Orenburg, Troitsk and Petropavlovsk would be uncomfortable "because of their proximity to the borders of the Kirghiz steppe and the tendency of the Tatars and Bashkirs to agitate between the Kirghiz people". Budilovich considered it expedient to have the *akhoondstvo* [i.e. Muslim representation of less significant rank – D.A.] in St. Petersburg, but not the board. According to him, for all branches of the "Kirghiz tribe from the Volga to China some clerical boards should be created, in order to keep the tradition of dividing the Kirghiz people up into Hordes" and "to prevent their coming together and the cohesion of these tribal nomads" [7].

Thus, although the materials of the Special Council on faith affairs in 1906 did not formally have legislative consequences, they have a considerable cognitive value. They certify to the fact that the tsar's officials did not intend to have any dia-

logue with Muslims and were not going to think about it. The basic meaning of the wishes, expressed by the leading administrators of the empire, essentially came from the desire not to unite, but to decentralize the existing Muslim clerical boards, to try to divide them into even smaller and weaker parts, while preserving hard government control over them and over the system of Muslim enlightenment. So, the aspirations of the Muslim community and the tsar's administration moved in diametrically opposed, antagonistic directions.

Revolutionary events of 1905 – 1907 in Russia, of 1907 – 1911 in Iran and of 1908 – 1909 in Turkey, contributed to a quickly worked intensification of the central apparatus of the Interior Ministry on Islam. A rigid directive on this issue from the Prime Minister and Interior Minister P.A. Stolypin provided special impetus for the taken measures. In our view, the accumulation of information on Islamic topics in the Interior Ministry most notably increased from 1910.

The leading role in this field of activity was taken by such structures of the MIA as the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions (DRAFC) and the Police Department. The most extensive amount of information on Islam and Muslims in Russia since 1905 is kept in their archival collections.

Generally, despite all the plans and proposals of both government apparatus and the Muslim community for its "decentralization" or reorganization, the largest OMCA in the empire continued to maintain its integrity. Carried out in 1910, the inspection of the Orenburg Muftiat aroused a huge amount of criticism from the officers of the DRAFC. They talked of "bureaucracy" in affairs, the intention of Mufti M. Sultanov to "monocracy" and the "sympathy" of some members of the OMCA for the "progressionists" in Islam. Nevertheless, although the existence of a "good attitude" to the Constitutional Democratic Party (which was in parliamentary opposition to the authorities of the empire) was recognized, as well as the interest of the OMCA in "the national movement, arisen among the subordinate Muslims", the DRAFC decided not to make any "dramatic changes" in the management of the Orenburg Muftiat. This forbearance of the tsar's MIA officers was explained primarily by the fact that they were afraid of "fermentation" and "dissatisfaction" in the "Muslim community" in the case of a too noticeable interference in OMCA affairs, and therefore, preferred to keep their status quo.

A few years later, in the certificate dated January 1914, the DRAFC stated that “the establishment of new Muftiats [instead of the Orenburg one – D.A.] would be contrary to previous government policies, which was directed not to expand further, but to gradually weaken the Institute. Such a view of the Government in the present circumstances, with the adequately definite intention of the Muslims to unite and stand apart on the religious-national basis, should be kept for the future”. According to the views of the DRAFC officials, expressed in the same document, with the establishment of new Islamic centers in European Russia and Siberia, “the government would [just – D.A.] strengthen this [Muslim – D.A.] cohesion, giving it a real basis with the help of Muftis, and would contribute to the success of the progressive Russian Muslims in this direction”. The DRAFC officials openly admitted that they were quite satisfied with the current Orenburg mufti, M.Sultanov, who actually “stands away from the clergy” and “basically pays no attention to the population areas which are outside of the area of his residence”. With a certain discontent the DRAFC officials registered the noticeable “networking” between the Orenburg Muftiat and “advanced Muslims”. They had surely noticed that now even the “old opponents” of the Muftiat system among Muslims realized the importance of this institution “as an instrument of unity of Muslims ... irrespective of nationality”. On the other hand, in 1913 the Orenburg mufti, M.Sultanov, after receiving the request from the DRAFC about the resolution value of Sharia concerning Muslim schools, as noted by the Department of Religious Affairs, under the influence of the articles in the “Tatar press”, decided to be careful, not to respond single-handedly, and to gather the meeting, in order to learn of “public opinion” and to send in actual fact a collective conclusion (“fatwa”) to St. Petersburg [13: 139-149].

These two events being held, on the one hand, by the official authorities, and on the other hand, by the Muslim community, were the last public discussions of the status of “the Muslim world in Russia” on the eve of the First World War.

The implementation of the majority of proposals on Islam, offered in the notes of P.A.Stolypin in 1911 and A.A.Makarov in 1912, was postponed, as it was said, until the start of the debates on this “comprehensive discussion of the Muslim issue”. The tsar’s officials explained this fact by the time-consuming preparation for the Special Council of 1914. It should immediately be noted that, as be-

fore, there remained a hostile estrangement between the two meetings, which actually considered the same questions. The tsar’s administrators and the representatives of Muslims seemed to be in two different measurement systems, and any constructive dialogue between them was still out of the question.

The analysis of the multi-paged journal-books of the Special Council held in 1914 shows that, as a rule, the imperial officials noted the existence of certain “negative” processes and phenomena in the Muslim community, but they were extremely cautious in offering any radical decisions on them: the old bureaucracy principle continued to dominate, especially distinctive for decrepit monarchies – “if you touch a part – the whole thing will collapse”. So it was in France on the eve of 1789 and in Austria-Hungary at the beginning of the twentieth century, and the same was the case in Tsarist Russia in 1914. Judging the situation of those years in Tsarist Russia, E.V. Tarle wrote in 1906 that for the autocracy “any radical reform of the political system [including the “Muslim” segment – D.A.] is equivalent to self-abolishment” [14: 354].

Specific concern among the members of the Special Council in 1914 was caused by the so-called “pan-tatarizm, which makes serious progress and is eager to unite Russian Muslims under the ideological supremacy of the Tatars on the basis of Islam and imaginary tribal (Turkic) unity”. The alleged tatarification of tertiary education caused serious dissatisfaction among the representatives of the tsarist bureaucracy. At the same time, the Special Council participants had to admit as objective reality that, in accordance with the “general evolution of the world of Islam”, it would be almost impossible to stop the development of “progressive phenomena with nationalist coloring”, which was happening in the Russian Muslim community. Thus, they practically agreed, that they were unable to slow down the strengthening of the “new-method movement” at schools and in the mass information system of Muslims, which resulted in the strengthening of “their own culture and the languages of the foreigners”; and hence, to interrupt the isolation of “Islam” from the “Russian nation not only on religious, but also on cultural grounds”, is simply unrealistic [15: 115-137].

After long debates, the participants of the Special Council in 1914 finally came to the following decisions: 1) to preserve both the Orenburg and Tauride Muftiats in their former territorial borders; 2) to organize in areas which are not included in the Districts of the existing Muftiats [North Cauca-

sus, Turkestan – D.A.], the management of the “clerical issues” on such “principles”, according to which Muslim clerics would perform only as “clergy” [but would not have any more power – D.A.]; 3) to preserve the existing procedure for the substitution of higher Muslim clerics elected by government, thus rejecting the idea of the Muslim community about their appointment “from below”; 4) to “strengthen” the staffs of the Orenburg and Tauride Muftiats; 5) to legalize the adopted in practice procedure of confirmation of the akhounds, who served in the District of the OMCA; 6) to set the “marriage tax” for the expenses on “strengthening” of the Transcaucasian Clerical board of Sunnis and Shiites within the area of these state boards; 7) to keep the existing order of the “parish clergy” election¹; 8) to officially establish that the contents of the “parish clergy” are determined by the “parish judgments”; 9) to take measures for “the establishment of the inner life of the Muslim parish”; 10) to lay the deal of the Muslims’ metrication upon the appropriate “social institutions” [i.e. one quarter or village chiefs – D.A.]; 11) to withdraw from the jurisdiction “of the Muslim clergy” inheritance cases to transfer them to the “general court of justice” [i.e. to the Russian civil court – D.A.] [16: 301-302]. Thus, despite all the promises given earlier, the results of the Special Council in 1914 were in fact minimal, in practice it had not made (and was not really going to make) any significant changes in the system of state regulation of the religious life of the Muslims in the empire. All the promised changes were transferred into the future until the time when the decision on radical transformation of the organization of religious life of the native “Muslim society” would finally mature in government “spheres”.

It was with great difficulty that the Muslim community obtained from the tsar’s administration permission to hold in June 1914 the 4th Congress of Muslims of Russia in St. Petersburg. In the RSHA a very interesting set of materials on the subject is kept – the file “Correspondence on the petition of a member of the State Duma, K.-M. Tevkelev², about the permission of the Congress of Muslims in St. Petersburg” [17: 35-75]. The Congress actually took place in the “closed” mode, it was attended by no more than 35 people, and at the meetings there were always the observing offi-

cial of the DRAFC of MIA. Nevertheless, despite this, during the Congress there was some criticism of the government, and “the oppression of the Muslim society was stated”. The Congress participants were generally dissatisfied with the actions of the Muslim faction in the IV State Duma, but they realized that actually only six members were unable to resolve any Muslim problem. By that time it was really obvious that all the bills on “Islam” had failed to be adopted, as all documents had stuck either in the process of discussion in the Duma, or stopped in the process of agreement with the State Council or the ministries [18: 64-66]. During its work, the 4th Muslim Congress adopted the following resolutions: 1) about the necessity for the establishment of the Clerical Board for the North Caucasus and Turkestan Muslims, and 2) about the attachment of “Kirghiz areas” in the “confessional sense” to the Orenburg Muftiat [19: 285-296].

Summing up the results of the Congress of Muslims of Russia, DRAFC official K.N. Taranovsky, who was present at those meetings, presented an analytical survey to his Department. The most profound result of the Congress, according to Taranovsky, was the emergence of the “Regulations” project on the management of the religious affairs of the Muslims which introduced uniformity throughout the empire. According to the author of the note, the project was quite similar to the “Regulations” of 1872 on the Transcaucasian Shiite and Sunni boards. The project of 1914 provided “four levels” of structural ranks the Muslim clerics’ organization: 1) “parish clergy”; 2) district cadis; 3) provincial Majlises; and 4) clerical boards. In the latter case, the authors of the project of 1914 meant the Orenburg, Tauride, Transcaucasian Sunni Muftiats, the Transcaucasian Shiite board and the newly-created North Caucasus and Turkestan Muftiats. All these Islamic institutions of power, according to the authors of the project of 1914, would create a “uniform control for the religious affairs of the Muslims of Russia, without any distinction of location whatsoever, on the basis of broad autonomy” [20: 110-135]. Thus, from the note by Taranovsky we can see that the 4th Congress of Muslims in 1914, in contrast to the 3rd Congress of Muslims in 1906, had succeeded (at least formally) in creating a unified nationwide Muslim rule, subordinate only personally to the tsar.

The 4th Congress of Muslims of Russia completed its work on June 25, 1914, the reference by K.N. Taranovsky on the outcome of its activities

¹ i.e. imams and khatibs were entitled to hold office only after an appropriate “test” of proficiency in Shariat and obtaining a police certificate of “loyalty”.

² Qutlugh-Mohammed Tevkelev was chairman of the Muslim faction of the IV State Duma.

was dated to June 30, 1914, and in between the two dates on June 28, Franz Ferdinand the heir to the Austro-Hungarian throne, was assassinated in Sarajevo. An uncontrollable escalation of events gradually brought humanity into World War I and marked the beginning of the last stage in the history of the Russian tsar regime.

Against the wishes and will of the people, the First World War enmeshed the world population, including the "Muslim world", in hostilities [21]. The war had set each department of the Romanov Empire new tasks due to the presence of "the Muslim factor" in its activities. Thus, in Muslim countries the Foreign Ministry was spreading a kind of propaganda information of the Russian "Mohammedan" soldiers' faithful service. The military department prepared this document for the diplomats around the beginning of 1915. According to this document, at the beginning of the war in August 1914 the following number of "Mohammedans" served in the regular Army of the Russian Empire: 39283 soldiers of low ranks, 287 senior officers, 56 staff officers and 9 generals. Of course, due to mobilization their quantity had increased. According to this reference, all Muslim soldiers honorably fulfilled their duty³, excelled during the East Prussian and Galician operations in 1914, and many of them were awarded medals of the Empire [22: 23-26].

The basic daily difficulty in controlling and managing the "Muslim case" still depended on the structures of the imperial Ministry of Internal Affairs. Our attention was drawn to several documents deposited in the archives of the DRAFC and PD which related to the last months of autocracy.

The first of them was the "internal" note of the DRAFC on Islam, prepared in February-March 1916 for the Interior Minister, A. N. Khvostov, in connection with his probable participation in the State Duma budget discussion⁴.

In the conditions of the "Third June Monarchy" ministers of empire could ignore certain requests of the Duma members, but had to answer their possible questions. This DRAFC note stated that there was a noticeable revitalization of the Muslim faction of the 4th State Duma under pressure from the "Muslim community". In order to be prepared to answer questions from the Muslim deputies, the Minister of Internal Affairs, relying

on the reference materials, could inform them that the following laws were developed in the MIA: 1) the establishment of new staffing in the Tauride and Orenburg Muftiats, the improvement of their financial situation and the "strengthening" of the staff; 2) the establishment of universal "parish clergy" officials' election order throughout the empire, giving the right to "parishioners" in a given mosque at "parish meetings" to vote directly for imams and muezzins; 3) the establishment of special bodies which would elect "economic tutelages" in the mosque; and 4) the distribution of conscription benefits, which would be used by the "Mohammedan clergy" in the OMCA and TMRB districts, to other areas of the empire. However, the reference treated negatively all other possible questions and requests of the Muslims. Thus, it was emphasized that since "the development of the nationalist movement and progress in tatarization" was especially evident "in the areas belonging to the Mufti", it would be "premature" to immediately establish new Muftiats. The Minister of Internal Affairs had been recommended not to give any definite answer if there appeared a question about establishing the new Muftiat in the North Caucasus. According to the reference, "state prudence should encourage the government to refrain from certain strictly formulated promises in one direction or another, limiting itself only to announcing that the government is aware of the urgency of the Muslims' religious affairs higher management organization issue, and that dealing with the issue, the fair needs of the Islam supporters will be taken into account" [24]. This truly casuistic phrase and the subsequent statements of the reference note, which contained the answers to more specific questions of the "Muslim life" issue, clearly showed the main point – the frank desire of the DRAFC apparatus to lengthen the timeframe, its lack of willingness (and, apparently, ability as well) to decide anything on the "Muslim question" in the circumstances of the state crisis and the ministerial merry-go-round of 1914-1917. Indeed, in 1916 there were only four Ministers of Internal Affairs of the monarchy – A.N.Khvostov, B.V.Shtyurmer, A.A.Khvostov and A.D.Protopopov [25: 304].

In 1916, which was the last year of the Romanov monarchy, the Director of the Police Department, General E.K.Klimovich, signed the "secret" circular of 9 May, 1916 addressed to the heads of regional gendarme structures in the Volga region, the Cisurals, the Caucasus, and Turkestan. The circular contained a quite frank characteriza-

³ "We can mention a number of Muslims' elevated feats of valor" [23].

⁴ We may assume that the compiler of this reference was the above mentioned officer of the Department of Religious Affairs, K.N. Taranovsky.

tion of the processes occurring in the Muslim movement in the country. So, Klimovitch subdivided representatives of “the Muslim community”, which he called “progressists”, into the majority, ideologically close to the Cadets, and the minority, close to the Social Revolutionary and the Labour parties. Summarizing the information available to him, Klimovich believed that by spring 1916 the main requirements of the Muslim “progressists” would have been: 1) the desire to make Friday a legitimate day off for Muslims; 2) the striving to reform “religious affairs” according to the recommendations of the 3rd and 4th Congress of Muslims; 3) the abolition of all laws and restrictions in relation to the “Mohammedans”; 4) the request to take steps to attach “Kirghiz” Muslims [the Kazakhs – D.A.] to land and to provide them with it; and 5) the requirement to review and change the laws on the management of Turkestan and expand the rights of Muslims living there. In this regard, Klimovich’s special attention was attracted by the Muslim faction of the State 4th Duma. He estimated it as a potential center of the “Muslim opposition” organization and demanded that the local gendarmerie authorities should in every way “hamper” communication between the Muslim Duma members and the local “Mohammedan mass” [29].

A few months later, in February 1917, the tsarist Police Department and its local divisions ceased to exist. At the end of the summer of 1917 the DRAFC was transferred to the newly-created Ministry of Confessions of the Provisional Government, with which it ceased its work after the Bolsheviks came to power in Russia [30: 669-672].

The events of the 1917 Russian revolution marked the beginning of a new, qualitatively different stage in the life of Russian Muslims, though this topic is the subject of independent studies.

So, the period of 1905-1907 can be considered a time of externally significant activity in the development of the “Muslim problem” by various imperial power structures. There were frequent meetings and sessions on the “Islam” issue, where vast and varied documentary material was accumulated. Prominent dignitaries and imperial administrators participated in the discussion of Islamic problems and its followers, and Prime Minister P.A. Stolypin – an outstanding politician in the history of imperial Russia – gave special significance to the “Muslim affair”.

However, the autocracy, which in 1905 had been forced to make concessions and admitted the legal functioning of Muslim congresses and or-

ganizations had, in fact, no desire and readiness to start a constructive dialogue with the Muslims. The Muslim “progressists”, who, in the majority, were close to the Cadets – thus were not considered radicals, and evoked fear and mistrust in the royal administration. During these years, the imperial officials often tried to rely on the most conservative and traditionalistic Muslim layers.

However, the awareness of the necessity to change the regulatory system of Muslim spiritual life was still present in the top governmental structures, but the fear of “Pan-Islamism”, “Pan-Turkism” and the threat of “Tatarification” dominated. Therefore, the most characteristic phenomenon for the Romanovs’ apparatus was its constant wish to postpone any problem solution on Islam under the pretext that all Muslim problems would be “arranged” all at once, but in the future.

In this regard, in April 1917, S.G. Rybakov⁵ gave a curious characteristic of the Muslim imperial policy during the last years of its history. The former imperial official, trying to fit into changing political conditions, was frank enough during the liberal spring of 1917 and tried to distance himself from the actions of the prior authorities at the Interior Ministry. Rybakov wrote: “Danger of different kinds of cultural and political movements among the Russian Muslims was significantly overestimated by the previous government. Three major trends were denoted among Russian Muslims: Pan-Islamism, Pan-Turkism, and the so-called the new method movement”. According to him, “Pan-Islamism” and “Pan-Turkism” did not really get a significant influence in the country, but “the previous regime was particularly concerned about the slightest manifestation of the ideas of Pan-Islamism and Pan-Turkism and severely prosecuted their “followers”. He also added that “the third political movement appeared to be far more serious and viable among Russian Muslims – it comprised all their aspirations for cultural and national identity” [31].

This movement which began with the transformation of the former absurd scholastic education in Muslim schools in the spirit of new European pedagogics, then embraced all aspects of Muslim life in order to revive and refresh them on the basis of European and Russian cultures. This movement reflected one inherent feature of Russian Muslims. Although they consisted of discon-

⁵ Characteristic of the role and significance of the new method movement that was given by Rybakov in April 1917 should be compared with the review of the status of Muslim education in Russia in this period [32].

nected ethnic groups, possessing completely different languages, manners, customs and economic conditions, the emerging transformational movement of the new method had revealed alongside dissociating principles one unifying feature: all Muslim peoples began to create a new educational culture on the basis of their common religion – Islam. Rybakov believed that the tsarist Interior Ministry wrongly assessed the role of the “Muslim factor” in this process, not realizing that in the “new method movement” the main aim was “uniting Muslims not on the basis of religion, but cultural and national self-determination of separate nations”. He stressed the fact that “the aspiration of separate nations for cultural and national self-determination is not yet a threat to state integrity and that’s not at all [the way – D.A.] to separatism” [31]. Here, Rybakov very accurately noted the basic contradiction between the tsarist dignitaries and administrators (beginning with P.A.Stolyпин and D.A.Milyutin to regular provincial officials) and the Muslim community. The main task of the empire, especially from the second half of the 19th century, was the integration of all the subjects of the monarchy into “a single integral state” without language or belief distinction. Islam and forces connected with it tried to preserve their identity and existence as far as possible, thus they were real obstacles for realizing this governmental goal. However, admitting the existence of a sharp conflict here, it must be emphasized that Islam was the religion of faith in God, the Russian Empire was the state founded on faith in God as well, and except for the most fanatical representatives of the “Russian Orthodoxy”, the main part of secular servants of the regime realized that, despite their certain wishes, the vast mass of Muslims would not betray their faith – this fact should have been considered. Of course, the Muslim community was not satisfied with many aspects of the religious policy of the tsarist period. Those who had survived after the events of 1917-1920 could compare in practice the position of Islam in Tsarist Russia and qualitatively different conditions of its existence in the new historical circumstances [32].

References

1. Rossijskaja gosudarstvennost' XX veka: materialy mezhvuz. konf., posvjashh. 80-letiju so dnja rozhdenija N.P.Eroshkina, 16 dek. 2000 g. M.: RGGU, 2001. 221 s. (in Russian).
2. Iz chernovyh bumag K.P.Pobedonosceva // Krasnyj arhiv. 1926, t. 5 (18). S. 203-207. (in Russian).
3. O veroterpimosti. Zakon 17 aprelja 1905 g. (Izd. neofic.) M., 1905. S. 78-88.
4. RGIA. f. 1276, op. 2, d. 622, l. 11-12. (in Russian).
5. Trudy Osobogo soveshhanija po voprosam obrazovanija vostochnyh inorodcev. SPb., 1905. S. XXXI-XXXIV, 14. / Pod red. A.S.Budilovicha. SPb.: Tip. Je.L.Porohovshhikovej, 1905. LIII, 366, IV s. (in Russian).
6. RGIA. f. 1276, op. 2, d. 593, l. 94-141. (in Russian).
7. RGIA. f. 1276, op. 2, d. 593. (in Russian).
8. AVPRI. f. 147, op. 485, d. 1258, l. 218-237 ob. (in Russian).
9. *Arapov D.Ju.* Sergej Gavrilovich Rybakov (Biografija i spisok osnovnyh rabot) // Islam v Rossijskoj imperii: Zakonodatel'nye akty, opisanija, statistika / sostavitel' D.Ju.Arapov. M., 2001. S. 332-335; *Arapov D.Ju.* Chinovniki v sisteme gosudarstvennogo regulirovanija islama v Rossijskoj imperii nachala XX v. // Gosudarstvennaja vlast' i obshhestvo v Rossii v XX veke. Materialy mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii. M., 2004. S. 196. (in Russian).
10. *Eroshkin N.P.* Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii. Izd. 3-e ispr. i dopoln. M., 1983. 368 s. (in Russian).
11. *Peregudova Z.I.* Politicheskij sysk v Rossii (1880-1917 gg.). M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2000. 432 s. (in Russian).
12. GA RF. f. 102. Osobyj otdel DP, 1910 g. op. 240, d. 74, ch. 1, l. 38-46 ob. Nami byl opublikovan ee osnovnoj tekst, voshedshij v sostav «sekretnogo» cirkuljara DP ot 18 dekabnja 1910 g. // Musul'manskoe dvizhenie v Srednej Azii v 1910 g. (po arhivnym materialam Departamenta policii Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj imperii (Publ. D.Ju. Arapova) // Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshhestva, t. 5 (153). S. 130-132. (in Russian).
13. RGIA. f. 821, op. 133, d. 566, l. 139-149. (in Russian).
14. *Tarle E.V.* Padenie absoljutizma v Zapadnoj Evrope. Istoricheskie ocherki. (1906 g.) // Tarle E.V. Sochinenija. M.: izd-vo AN SSSR, 1957, t. IV. 767 s.
15. RGIA. f. 821, op. 133, d. 576, l. 115-137. (in Russian).
16. *Rybakov S.G.* Ustrojstvo i nuzhdy upravlenija duhovnymi delami musul'man v Rossii. S. 301-302. (in Russian).
17. RGIA. f. 821, op. 113, d. 525, l. 35-75. (in Russian).
18. *Jamaeva L.A.* Musul'manskaja frakcija Gosudarstvennoj dумы Rossii (1906-1917) // Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii. Jenciklopedicheskij slovar'. Vyp. 2. M.: Vostochnaja literatura, 1999. S. 64-66. (in Russian).
19. RGIA. f. 821, op. 133, d. 566, l. 285-296. (in Russian).
20. RGIA. f. 821, op. 133, d. 470, l. 110-135. (in Russian).

21. См. подр.: Landa R.G. Musul'manskij mir i pervaja mirovaja vojna // Vostok. 2004, № 1. S. 57-72. (in Russian).
22. AVPRI. f. 144, op. 490/z, d. 458, l. 23-26. (in Russian).
23. *Arapov D.Ju.* "Mozhno otmetit' rjad vysokih podvigov voinskoj dobresti, proyavlennyh musul'manami" // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2004. № 11. S. 42-44. (in Russian).
24. RGIA. f. 821, op. 133, d. 639, l. 9-23; "Trudnostej razreshenija musul'manskogo voprosa ne otricajut i sami musul'mane". Materialy Ministerstva vnutrennih del Rossii. 1916 g. (Publ. D.Ju. Arapova) // Istoricheskij arhiv. 2004, № 1. S. 105-115; S.G. Rybakov o propagande kajzerovskoj Germanii sredi musul'man // RGIA. f. 821, op. 133, d. 634, l. 11-15. Izd.: Arapov D.Ju. S.G. Rybakov o nemeckom vlijanii v musul'manskom mire. 1916 g. // Vestnik arhivista. 2004, № 5. (in Russian).
25. *Eroshkin N.P.* Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii. S. 304. (in Russian).
26. GARF. f. 102. Osobyj otdel DP. 1916 g., op. 246, d. 74, l. 20-22. (in Russian).
27. *Peregudova Z.I.* Policejskij sysk v Rossii. S. 87-92. (in Russian).
28. GARF. f. 102. Osobyj otdel DP. 1916 g. op. 246, d. 74, l. 40-41. (in Russian).
29. GARF. f. 102. Osobyj otdel DP. 1916 g. op. 246, d. 74, l. 72-75. Izd.: "Idet neulovimaja poka rabota politicheskogo perevospitanija musul'man". Departament policii o musul'manah v poslednij god monarhii Romanovyh. (Publ. D.Ju. Arapova) // Istochnik. 2002, № 4. S. 54-56. (in Russian).
30. Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rosii. SPb. 1996, s. 669-672. Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii/ Otv. red. B.V. Anan'ich. SPb.: "Dmitrij Bulanin", 1996. S. 31. Ishakov S.M. Rossijskie musul'mane i revoljucija (vesna 1917 g. – leto 1918 g.) M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2003. 476 s. (in Russian).
31. RGIA. f. 821, op. 133, d. 567, l. 10 ob. – 14 ob.; Arapov D.Ju. "Na pochve obshhej dlja nih religii – islama" S.G. Rybakov o musul'manskom dvizhenii v Rossii // Istochnik, 2003, № 4. S. 10-14. (in Russian).
32. *Arapov D.Ju.* Sistema gosudarstvennogo regulirovanija islama v Rossijskoj imperii (poslednjaja tret' XVIII – nachalo XX vv.). – M.: izd-vo MGLU, 2004. S. 254-297. (in Russian).

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСЛАМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905-1917 ГГ.: НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ

Дмитрий Юрьевич Арапов,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Ленинские горы д. 1,
historicbetzy777@yandex.ru

Данная статья посвящена системе государственного регулирования ислама в Российской империи в период с революции 1905-1907 гг. до Февральской революции 1917 г. на примере округа Оренбургского Магометанского Духовного Соборания. Статья сконцентрирована на анализе предложений ряда чинов МВД, Особых совещаний по решению мусульманского вопроса.

Ключевые слова: ислам, Российская империя, Оренбургское магометанское духовное собрание, государственное регулирование, Департамент духовных дел иностранных исповеданий.

Среди прочих последствий рокового для царского самодержавия дня 9 января 1905 г. оказалась необходимость осуществлять обещанное еще в 1903-1904 гг. «расширение» пределов религиозной терпимости. Это ускорило обсуждение в Комитете министров соответствующего законодательного документа. Как полный крах дела всей своей жизни воспринимал его подготовку некогда всесильный, а ныне заметно утративший былой авторитет и влияние обер-прокурор Святейшего Синода К. П. По-

бедоносцев. Он всегда с тревогой относился к процессам, происходящим в мусульманском мире. Он постоянно подчеркивал особое значение в деле укрепления «устоев монархии» деятельности православного миссионерства и церковных школ в мусульманских районах империи, подготовки «полемической антикораники» для «состязания с исламом» [1: 181]. Оценивая с горечью теперь все происходящее, Победоносцев в марте 1905 г. писал: «Задумывается предоставление свободы мусульманской про-

паганде. Это дело страшное. Ислам – страшная сила, ни на минуту не опускающая своего оружия... Мусульманская религия не имеет себе подобной по интенсивности веры и фанатизма, ... объединению ее во всем мусульманском мире. Борьба с ней на духовной почве невозможна... У нас, особенно на восточных окраинах и в восточных областях наших, ... лет 30-40 тому назад основаны были крещено-татарские школы... Школы эти [теперь – Д.А.] должны погибнуть под напором мусульманской пропаганды, когда ей представлена будет свобода – и тогда вся масса инородцев, [отпав от православия – Д.А.] мало-помалу омусульманясь, составит... громадную мусульманскую силу... Мусульманство... растет, имея ряды проповедников... и постоянные связи с азиатскими и африканскими центрами мусульманства» [2: 204-205].

Развитие революционных событий не позволило, однако, самодержавию медлить с принятием решения о расширении «религиозных свобод». 17 апреля 1905 г. появился указ о «веротерпимости», где был обещан ряд уступок нехристианским, в том числе мусульманским подданным империи. В частности, предполагалось: упростить вопрос об открытии новых мечетей, мусульманских учебных заведений – мактабов и мадраса, изменить порядок избрания и назначения лиц высшего и низшего «магометанского духовенства», учредить особые духовные управления для мусульман Северного Кавказа, Степного края и Туркестана [3: 78-88].

Наконец, Манифест 17 октября 1905 г. легализовал свободу обсуждения насущных вопросов русской жизни, в том числе «мусульманского дела». Теперь допускалось существование целого ряда мусульманских общественных организаций и собраний (мусульманские съезды, мусульманская фракция в I-IV Государственных думах и т.д.). Однако реального желания обсуждать вместе с мусульманами проблемы ислама в России у царского аппарата не было. Наибольшей поддержкой со стороны имперских властей в последнее десятилетие существования монархии пользовались наиболее традиционалистски настроенные, выступающие против каких-либо преобразований и реформ круги российской мусульманской общины («кадимы»).

В подобных условиях вопросы устройства духовной жизни российского «мусульманства» рассматривались мусульманской общественностью и правительственными чиновниками от-

дельно друг от друга, эти обсуждения происходили как бы в двух разных пространствах, которые вынужденно сближало только одно – наличие одного и того же предмета разговоров. По этой причине предложения двух данных, заинтересованных в «исламском деле» групп рассматриваются нами ниже.

Главной формой административного обсуждения «мусульманского вопроса» в период после 1905 г. стали так называемые Особые совещания – специальные межведомственные или внутриведомственные «учреждения», собираемые для рассмотрения наиболее существенных для власти аспектов мусульманской проблематики. Иногда такие совещания были полностью посвящены «исламскому делу», иногда оно являлось лишь частью в общем комплексе анализируемых тем.

Так, весной 1906 г. заседало Особое совещание по делам веры под председательством генерала А.П.Игнатьева, на котором ислам являлся важным, но лишь одним из поднятых здесь вопросов. Оно собрало весьма большое количество предложений и довольно активно работало, но по просьбе МВД 28 мая 1906 г. прекратило свою деятельность. Данное решение объяснялось тем, что с созданием Государственной думы и с «изменением порядка принятия законодательства» решено было «более проектов не составлять, а лишь собрать материалы» для дальнейшей законодательной работы. Между тем, по свидетельству чиновников МВД, к ним перед началом заседания Особого совещания 1906 г. и в ходе его работы поступило лишь от мусульман до 500 (!) заявлений о «пересмотре порядка их духовного быта». Это подтверждало, как считали сотрудники МВД, существование «потребности пересмотреть все законодательство о мусульманах», что стало «делом давно назревшей необходимости» [4: 11-12].

Из документов, рассматриваемых в ходе Особого совещания 1906 г., представляется необходимым прежде всего остановиться на двух наиболее значимых материалах по исламу – записке о «мусульманах-суннитах» видного имперского сановника В.П.Череванского и замечаниях по этой записке другого участника данного совещания, тайного советника А.С.Будиловича. Последний ранее в августе 1905 г. сам был председателем созданного Министерством народного просвещения «Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев», в ходе которого широко обсуждал-

ся вопрос о «сдерживании» ислама в нерусской школе и «укреплении» в «магометанской среде» необходимых для прочности империи «русских образовательных начал» [5: XXXI-XXXIV, 14]. Материалы Череванского и Будиловича, на наш взгляд, наиболее отчетливо представляют суть предложений «верхов» империи по преобразованию системы государственного регулирования ислама в стране.

Выступление Череванского на Особом совещании 1906 г. по сути было изложением его «Записки по делам веры мусульман-суннитов», текст которой был подготовлен автором еще в 1905 г. Главными посылами Череванского были защита тезиса о необходимости наиболее возможной «децентрализации» и «разобщенности» мусульманского населения империи и всяческое поощрение «враждебных» отношений между различными «мусульманскими племенами и течениями», особенно между суннитами и шиитами. По его словам, «всякое объединение в ближайшем времени разноплеменных мусульманских групп в одну религиозно-татарскую общину было бы актом величайшего неблагоразумия» для империи. Именно поэтому Череванский настаивал на «расчленении» и изменении порядка организации уже существующих мусульманских духовных округов. Так, полагая, что Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) – Оренбургский муфтият – превратился в настоящий «мусульманский Рим», Череванский предложил поделить его: а) по его «территориальности» и б) по тем народностям, которые имеют свои «истории». По его замыслу, можно было бы создать следующие окружные мусульманские духовные управления: 1) Петербургское (с центром в Санкт-Петербурге), 2) Сибирское (с центром в Троицке или Петропавловске), 3) Башкирское (с центром в Уфе). Данная мера, по мнению Череванского, была остро необходима «для интересов безопасности империи», ибо, как он считал, «нельзя больше оставлять Оренбургский муфтият в нынешних его пределах и при централизации распорядительных действий, превосходящих централизацию какого-либо ведомства в России». Автор записки о «мусульманах-суннитах» предлагал также «урезать» и юрисдикцию Таврического муфтията, передав мусульман Западных губерний из его ведения в подчинение вновь создаваемого Петербургского мусульманского окружного правления. В то же время, заметно противореча самому себе, Череванский полагал возможным

укрупнить управление мусульманами-суннитами Кавказа, подчинив суннитский Северный Кавказ Закавказскому Духовному правлению суннитов в Тифлисе.

Особое беспокойство Череванского вызвало положение дел в Центральной Азии. Он считал необходимым прекратить «бесконечно неясное и ненормальное положение вероучительства» для мусульман-«киргизов» и создать «Киргиз-Кайсацкое» окружное мусульманское управление, «пресекая» при этом попытки «отатаривания» мусульман-«киргизов». Жившие в степях татары, по замыслу Череванского, также должны были подпасть под юрисдикцию вновь создаваемого мусульманского духовного управления. Череванский особо подчеркивал необходимость разрешить башкирам и «киргизам» преподавать в мусульманских школах на их родных языках, видя в этом способ борьбы с «татаризмом». Что касается территории Туркестана, Череванский, который, как отмечалось выше, довольно долго служил в этом крае, то он не питал в отношении его мусульман никаких иллюзий. Он писал по этому поводу: «Если не будут приняты серьезные меры, то эта окраина [Туркестан – Д.А.]... будет оставаться вечным военным лагерем, поглощающим русскую казну и представляющим немаловажную опасность со стороны ближних и дальних соседей и со стороны своего же тесно сплоченного мусульманского населения». В целом, Череванский оставался сторонником политики Кауфмана на «игнорирование туркестанского мусульманства» и укрепление «в отношении мусульманства здесь полного начала отделения церкви от государства» [6: 94-141].

Соглашаясь в ходе Особого совещания 1906 г. с мнением Череванского о необходимости изменения структуры мусульманских духовных управлений, Будилович высказал целый ряд своих, заметно отличных замечаний и предложений. Так, он полагал, что при открытии новых «магометанских духовных правлений» необходимо учитывать «географические» и «племенные» факторы. Поэтому, по его мнению справедливо было бы открыть: в Вильно – правление для «обруселых» татар-мусульман «Западных губерний»; в Казани и Астрахани – правления для татар Поволжья; в Тобольске или Томске – правление для «магометанствующих» чувашей, черемисов и вотяков [марийцев и коми – Д.А.]. По словам Будиловича, учреждение правлений мусульман в Оренбурге, Троицке и Петропавловске было бы неудобным

«ввиду их близости к границам киргизской степи и склонности татар и башкир агитировать между киргизами». В Петербурге Будилович считал целесообразным иметь не правление, а ахунство [то есть мусульманское представительство менее значительного ранга – Д.А.]. По его мнению, для всех ветвей «киргизского племени от Волги до Китая стоило бы создать несколько духовных правлений, дабы сохранить традицию дробления киргизов по Ордам» и «в видах предупреждения сближения и племенной сплоченности этих кочевников» [7].

Таким образом, хотя материалы Особого совещания 1906 г. по делам веры формально не имели законодательных последствий, они обладают немалым познавательным значением. Из них отчетливо становится видно, что ни о каком диалоге с мусульманами царские чиновники не думали и не собирались думать. Основной смысл высказываемых ведущими администраторами империи пожеланий сводился по сути своей к желанию не объединять, а децентрализовать существующие мусульманские духовные правления, попытаться раздробить их на еще более мелкие и слабые части при полном сохранении как над ними, так и над системой мусульманского просвещения жесткого правительственного контроля. Итак, устремления мусульманской общественности и царской администрации двигались в прямо противоположных, антагонистических направлениях.

События революций 1905-1907 гг. в России, 1907-1911 гг. в Иране и 1908-1909 гг. в Турции способствовали резкой активизации деятельности центрального аппарата МВД по исламу. Особый импульс им придала жесткая установка в данном вопросе самого премьер-министра и главы МВД П.А.Столыпина. На наш взгляд, особенно заметно накапливание информации по исламской тематике в системе МВД возросло с 1910 г.

Ведущую роль в данном направлении деятельности по-прежнему играли такие структуры МВД, как Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) и Департамент полиции. Именно в их архивных фондах отложился наиболее обширный объем информации по исламу и мусульманам в России после 1905 г.

В целом, несмотря на все планы и предложения и правительственных органов, и мусульманской общественности о его «децентрализации» или реорганизации, самое крупное в империи ОМДС продолжало сохранять свою

целостность. Проведенная в 1910 г. ревизия Оренбургского муфтията вызвала у чиновников ДДДИИ ряд нареканий. Они констатировали «волокиту» в делах, стремление муфтия М.Султанова к «единовластию» и «симпатии» некоторых членов ОМДС к «прогрессистам» в исламе. Тем не менее, хотя и было признано наличие «хорошего отношения» к конституционно-демократической партии (бывшей в парламентской оппозиции к властям империи), а также то, что ОМДС увлекается «возникшим среди подведомственных ему мусульман национальным движением», ДДДИИ решило не делать каких-либо «радикальных изменений» в составе руководства Оренбургского муфтията. Эта воздержанность чиновников царского МВД объяснялась прежде всего тем, что они опасались возникновения «брожения» и «недовольства» в «мусульманской среде» в случае слишком заметного своего вмешательства в дела ОМДС и предпочли поэтому сохранить status quo.

Через несколько лет в справке, датируемой январем 1914 г., ДДДИИ констатировал, что «учреждение новых муфтиятов [вместо Оренбургского – Д.А.] шло бы в разрез с предшествующей правительственной политикой, направленной не к дальнейшему расширению, а к возможному постепенному ослаблению этого института. Такой взгляд правительства при современных условиях, при достаточно определенном стремлении мусульман к объединению и обособлению на религиозно-национальной почве подлежит сохранению и на будущее время». По высказанному в этом же документе мнению чиновников ДДДИИ, учреждением новых мусульманских центров в Европейской России и Сибири «правительство [лишь – Д.А.] способствовало бы усилению подобного [мусульманского – Д.А.] сплочения, давая ему в лице муфтиев реальную основу, и содействовало бы успешности прогрессивной части российского мусульманства в этом направлении». Чиновники ДДДИИ откровенно признавали, что их вполне устраивает нынешний оренбургский муфтий М.Султанов, который фактически «стоит далеко от духовенства» и «вообще населения местностей, находящихся вне района его пребывания». С известным недовольством чиновники ДДДИИ фиксировали заметное «налаживание связей» между Оренбургским муфтиятом и «передовыми мусульманами». Ими было верно подмечено, что теперь даже «старые оппоненты» системы муф-

тиятов в мусульманской среде поняли значение этого института «как орудия сплочения мусульман... без различия национальностей». С другой стороны, сам оренбургский муфтий М. Султанов в 1913 г., получив запрос из ДДДИИ о значении постановлений шариата по мусульманским школам, как отмечал Департамент духовных дел, под влиянием статей в «татарской прессе» решил проявить осторожность, не отвечать единолично, а собрать целое совещание, дабы узнать «мнение народа» и послать в Петербург фактически коллективное заключение («фетву») [13: 139-149].

Два данных мероприятия, проведенных, с одной стороны, официальной властью, с другой – мусульманской общественностью, были последними публичными обсуждениями положения дел в «мусульманском мире в России» накануне первой мировой войны.

Подготовкой к Особому совещанию 1914 г. царские чиновники, в частности, объясняли то, что реализация большинства предложений по исламу, сделанных в записках П.А. Столыпина в 1911 г. и А.А. Макарова в 1912 г., была отложена до решений именно данного «всестороннего обсуждения мусульманского вопроса». Следует сразу отметить, что, как и раньше, сохранялась враждебная отчужденность между двумя этими собраниями, рассматривающими по сути одни и те же вопросы. Царские администраторы и представители мусульман как бы пребывали в двух разных системах измерения, и ни о каком конструктивном диалоге между ними по-прежнему не могло быть и речи.

Анализ многостраничных журналов Особого совещания 1914 г. показывает, что имперские чиновники, как правило, констатировали наличие тех или иных «негативных» процессов и явлений в мусульманской среде, но были крайне осторожны в предложении каких-либо радикальных по ним решений: продолжал господствовать старый принцип бюрократии, особенно характерный для дряхлеющих монархий: «тронешь часть – рассыпется все». Так было во Франции накануне 1789 г., так происходило и в Австро-Венгрии в начале XX в. и в царской России в 1914 г. Оценивая в те годы ситуацию в царской России, Е.В. Тарле в 1906 г. писал, что для самодержавия «всякая коренная реформа политического строя [в том числе и в «мусульманском» его сегменте – Д.А.] равнозначна с самоупадением» [14: 354].

Особые опасения у участников Особого совещания 1914 г. вызывал «пантатаризм, де-

лающий серьезные успехи и стремящийся к объединению русских мусульман под идейным главенством татар на почве ислама и мнимого племенного (тюркского) единства». Серьезное недовольство у представителей царской бюрократии вызывало происходившее, как они считали, «отатаривание» высших учебных заведений. В то же время участники Особого совещания вынуждены были признать как объективную реальность то, что в соответствии с «общей эволюцией мирового ислама» остановить происходящее в российской мусульманской среде развитие «прогрессивных явлений с националистической окраской» практически невозможно. Таким образом, они практически соглашались с тем, что притормозить укрепление «новометодного движения» в школе и системы информации мусульман, в результате которого укрепляются «собственная культура и собственные языки инородцев» они не в состоянии, а отсюда прервать обособление «мусульманства» от «русской народности не только на вероисповедной, но и на культурной почве» просто не реально [15: 115-137].

После длительных споров участники Особого совещания 1914 г. пришли в конечном счете к следующим решениям: 1) сохранить Оренбургский и Таврический муфтияты в их прежних территориальных границах; 2) организовать в местностях, не входящих в округа существующих муфтиятов [Северный Кавказ, Туркестан – Д.А.], управление «духовными делами» на таких «началах», чтобы мусульманские духовные лица выступали здесь лишь в качестве «служителей культа» [и не имели более никаких полномочий – Д.А.]; 3) сохранить существующий порядок замещения высших мусульманских духовных должностей путем их назначения правительственной властью, отвергнув идею мусульманской общественности об их выборности «снизу»; 4) «усилить» штаты Оренбургского и Таврического муфтиятов; 5) узаконить принятый на практике порядок утверждения ахунов, служащих по округу ОМДС, губернской властью; 6) установить в районе действия Закавказских Духовных правлений суннитов и шиитов «брачный сбор» на расходы по «усилению» штатов этих правлений; 7) сохранить существующий порядок избрания «приходского духовенства»¹; 8) установить, что

¹ То есть, имамы и хатибы получали право на занятие должностей только после соответствующего «испытания» в знании шариата и получения полицейского свидетельства о «благонадежности».

содержание «приходского духовенства» определяется «приходскими приговорами»; 9) принять меры к «устройству внутренней жизни мусульманского прихода»; 10) дело метрикации мусульман возложить на соответствующие «общественные установления» [то есть квартальных или сельских старост – Д.А.]; 11) изъять из ведения «мусульманского духовенства» наследственные дела с передачей их «общим судебным установлениям» [то есть русскому гражданскому суду – Д.А.] [16: 301-302]. Таким образом, несмотря на все ранее даваемые обещания, итоги Особого совещания 1914 г. по сути были минимальными, на практике оно не произвело (да и не собиралось реально производить) каких-либо существенных изменений в системе государственного регулирования духовной жизни мусульман империи. Все обещанные перемены были перенесены в будущее, когда в правительственных «сферах» созреют наконец решения о кардинальной перестройке организации духовной жизни отечественного «мусульманства».

С большими трудностями мусульманской общественности удалось добиться от царской администрации разрешения на проведение в июне 1914 г. IV съезда мусульман России в Санкт-Петербурге. В РГИА хранится весьма интересный комплекс материалов на эту тему – дело «Переписка по ходатайству члена Государственной Думы К.-М.Тевкелева² о разрешении съезда мусульман в Санкт-Петербурге» [17: 35-75]. Съезд происходил фактически в «закрытом» режиме, в нем участвовало не более 35 человек, причем на заседаниях как наблюдатели постоянно присутствовали чиновники ДДДИИ МВД. Несмотря на это, в ходе заседаний съезда все же прозвучал ряд критических замечаний в адрес правительства и было констатировано «угнетенное положение мусульманства». Участники съезда были в целом недовольны действиями мусульманской фракции в IV Государственной думе, но понимали, что реально б ее членов не в состоянии решить какие-либо мусульманские проблемы. К этому времени стало действительно очевидно, что ни один законопроект по «мусульманству» так и не удалось провести в жизнь, все документы застревали или в ходе обсуждения в самой думе, или тормозились в согласованиях с Государственным советом или министерствами [18: 64-66]. В ходе своей работы IV мусульманский

съезд принял резолюции: 1) о необходимости образования Духовных правлений для мусульман Туркестана и Северного Кавказа и 2) о присоединении «киргизских областей» в «конфессиональном смысле» к Оренбургскому муфтияту [19: 2850296].

По итогам работы данного съезда мусульман России чиновник ДДДИИ К.Н.Тарановский, присутствовавший на его заседаниях, представил в свой Департамент аналитическо-обзорную справку. Тарановский выделил в качестве главного результата работы съезда появление проекта «Положения» об управлении духовными делами мусульман, вводящего единообразие для всей территории империи. По мнению автора записки, данный проект был во многом по содержанию близок к «Положению» 1872 г. о Закавказских правлениях шиитов и суннитов. Проект 1914 г. предусматривал «четыре уровня» в рангах структуры организации мусульманских духовных лиц: 1) «приходское духовенство»; 2) уездные кадии; 3) губернские медресы; 4) Духовные правления. В последнем случае авторы проекта 1914 г. имели в виду уже существующие Оренбургский, Таврический, Закавказский суннитские муфтияты, Закавказское шиитское правление и вновь создаваемые Северокавказский и Туркестанский муфтияты. Все эти исламские властные институты, по мнению авторов проекта 1914 г., создавали бы «единообразное устройство управления духовными делами мусульман России, вообще, без разделения на местности, на началах широкой автономии» [20: 110-135]. Таким образом, из записки Тарановского видно, что на IV мусульманском съезде в 1914 г., в отличие от III съезда мусульман 1906 г., уже (хотя бы формально) не ставился вопрос о создании единого общероссийского мусульманского правления, подчиненного лично только царю.

IV съезд мусульман России завершил свою работу 25 июня 1914 г., справка К.Н.Тарановского об итогах его деятельности была датирована 30 июня 1914 г., а в промежутке между двумя этими числами 28 июня в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд. Началась неуправляемая эскалация событий, ввергшая человечество в первую мировую войну и отметившая начало последнего этапа в истории русского царизма.

Первая мировая война втянула в себя вопреки желанию и воле людей самые разные части населения Земли, в том числе и «мусульманский мир» [21]. Война поставила перед ка-

²Кутлуг-Мухаммед Тевкелев был председателем мусульманской фракции IV Государственной думы.

ждым ведомством империи Романовых свои задачи в связи с наличием в его деятельности «мусульманского фактора». Так, МИД распространял в мусульманских странах своего рода агитационную справку о верной службе русских воинов-«магометан». Этот документ был подготовлен для дипломатов военным ведомством где-то в начале 1915 г. По его данным, к августу 1914 г., то есть к началу войны, в регулярных сухопутных войсках Российской империи служило следующее количество «магометан»: 39283 «нижних чина», 287 обер-офицеров, 56 штаб-офицеров и 9 генералов. В связи с мобилизацией число их, естественно, заметно возросло. По данным этой справки, все воины-мусульмане с честью выполнили свой долг³, отличились в ходе Восточно-Прусской и Галицийской операций 1914 г., многие из них были награждены орденами и медалями империи [22: 23-26].

Основная повседневная тяжесть контроля и ведения «мусульманского дела» по-прежнему лежала на структурах имперского МВД. Наше внимание привлекли несколько документов, отложившихся в архивных фондах ДДДИИ и ДП и относящихся к последним месяцам истории самодержавия.

Первый из них – это «внутренняя» справка ДДДИИ по исламу, подготовленная в февралемарте 1916 г. для тогдашнего министра внутренних дел А.Н.Хвостова в связи с предполагаемым его участием в обсуждении бюджета в Государственной думе⁴.

В условиях «третьеиюньской монархии» министры империи могли игнорировать те или иные просьбы депутатов думы, но не могли не отвечать на их возможные вопросы. В данной справке ДДДИИ констатировалось заметное оживление деятельности мусульманской фракции IV Государственной думы под давлением «мусульманской общественности». Дабы быть готовым ответить на вопросы депутатов-мусульман министр внутренних дел, опираясь на материалы справки, мог сообщить им, что в аппарате МВД разрабатываются следующие законопроекты: 1) об установлении новых штатов Оренбургского и Таврического муфтиятов, улучшении их материального положения и

«усилении» личного состава; 2) об установлении повсеместно в империи единообразного порядка избрания чинов «приходского духовенства», дав право избирать имамов и муэдзинов непосредственно «прихожанам» данной мечети на «приходских собраниях»; 3) об учреждении при мечетях выборных органов «хозяйственных попечительств»; 4) о распространении льгот по воинской повинности, которыми пользуется «магометанское духовенство» в округах ОМДС и ТМДП, на прочие местности империи. При этом ко всем другим возможным вопросам и просьбам мусульман справка относилась отрицательно. Так, в ней подчеркивалось, что поскольку «развитие националистического движения и успехи татаризации» особенно ярко проявились «в местностях, входящих в состав муфтиятов», то было бы «преждевременным» учреждать сейчас новые муфтияты. В справке предлагалось в случае возникновения вопроса министру внутренних дел о создании нового муфтията на Северном Кавказе или где-либо еще постараться не давать какого-либо определенного ответа на эту тему. По словам справки, «государственная осторожность должна побудить правительство воздержаться от определенных строго сформулированных обещаний в том или ином направлении, ограничиваясь лишь заявлением, что правительство сознает настоятельность вопроса об упорядочении организации высшего управления духовными делами мусульман, и что при разрешении такового будут приняты во внимание справедливые нужды сторонников ислама» [24]. Данная истинно казуистическая формулировка и последующие, содержащиеся в данной справке варианты ответов по более частным вопросам «мусульманской жизни» ярко свидетельствовали о главном – откровенном стремлении аппарата ДДДИИ «тянуть» время, отсутствию у него готовности (да, видимо, и способности) что-либо решать по «мусульманскому вопросу» в условиях кризиса верхов и министерской чехарды 1914-1917 гг. Действительно, лишь в 1916 г. на посту министра внутренних дел монархии побывало 4 (!) человека – А.Н.Хвостов, Б.В.Штюрмер, А.А.Хвостов и А.Д.Протопопов [25: 304].

В 1916 г., который стал последним полным годом существования монархии Романовых, директор Департамента полиции генерал Е.К.Климович подписал «секретный» циркуляр от 9 мая 1916 г., который был адресован начальникам региональных жандармских струк-

³ «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» [23]

⁴ По некоторым данным, можно предположить, что составителем данной справки был упоминаемый уже чиновник Департамента духовных дел К.Н.Тарановский.

тур Поволжья, Приуралья, Кавказа и Туркестана. В циркуляре содержалась достаточно откровенная характеристика процессов, происходящих в мусульманском движении в стране. Так, Климович подразделял представителей «мусульманской общественности», которых он называл «прогрессистами» на большинство, идейно близкое к кадетам, и меньшинство, тяготеющее к эсерам и трудовикам. Обобщая имеющуюся у него информацию, Климович полагал, что к весне 1916 г. главными требованиями мусульман-«прогрессистов» будут: 1) желание сделать законным выходным днем для мусульман империи пятницу; 2) стремление провести реформу «религиозных дел» в связи с рекомендациями III и IV съездов мусульман; 3) настаивание на упразднении всех ограничений в законах по отношению к «магометанам»; 4) просьба принять меры по прикреплению мусульман-«киргизов» [казахов – Д.А.] к земле и обеспечению их оной; 5) требование пересмотреть и изменить законы об управлении Туркестаном и расширить права живущих там мусульман. В этой связи особое внимание Климовича привлекала роль мусульманской фракции IV Государственной думы. Он оценивал ее как потенциальный центр организации «мусульманской оппозиции» и требовал от местных жандармских органов всячески «затруднять» связи мусульманских депутатов с местной «магометанской массой» [29].

Прошло еще несколько месяцев, и в феврале 1917 г. царский Департамент полиции и его структуры на местах прекратили свое существование. В конце лета 1917 г. ДДДИИ был передан во вновь созданное Министерство исповеданий Временного правительства, вместе с которым он завершил свою историю после прихода к власти в России большевиков [30: 669-672].

События русской революции 1917 г. ознаменовали наступление нового, качественно иного этапа в судьбе мусульман России, но эта тема является предметом отдельных самостоятельных исследований [31].

Таким образом, период 1905-1917 гг. можно считать временем внешне особо заметной активности в разработке различными имперскими властными структурами «мусульманского вопроса». Происходили постоянные совещания и заседания по «мусульманству», по нему накапливался обширный и разнообразнейший документальный материал. В обсуждении проблем ислама и его приверженцев в России участво-

вали видные сановники и администраторы империи, особое значение «мусульманскому делу» придавал последний значительный государственный деятель в истории царской России премьер-министр П.А.Столыпин.

Однако вынужденное в 1905 г. пойти на уступки общественности самодержавие, хотя и допустило легальное существование мусульманских съездов и организаций, по существу не имело желания и готовности вступать с ними в конструктивный диалог. Мусульманские «прогрессисты», в большинстве своем не являвшиеся радикалами, наиболее близкие к кадетам, вызывали у царской администрации лишь опасения и недоверие. В эти годы имперские чиновники старались чаще всего опираться на наиболее консервативные, традиционалистски настроенные слои мусульман.

Вместе с тем понимание необходимости что-то менять в системе регулирования духовной жизни мусульман все же присутствовало в государственных «верхах», но страх перед «панисламизмом», «пантуркизмом» и угрозой «отатаривания» был превыше всего. Поэтому наиболее характерным явлением для аппарата монархии Романовых в эти годы было постоянное желание отложить всякое решение по «мусульманству» под тем благовидным предлогом, что все проблемы мусульман будут «устроены» сразу, в комплексе, но не сейчас, а в будущем.

В этой связи весьма любопытна характеристика мусульманской политики империи последних лет ее истории, которую дал С.Г.Рыбаков⁵ в апреле 1917 г. Бывший царский чиновник, пытаясь вписаться в изменившиеся политические условия, либеральной весной 1917 г. был достаточно откровенен и старался всячески дистанцироваться от деяний своего старого начальства по МВД. Рыбаков писал: «Опасность разного рода культурно-политических движений среди мусульман России значительно переоценивалась прежним правительством... Среди русских мусульман обозначились три главных... течения: панисламизм, пантуркизм и так называемое новометодное движение». По его словам, «панисламизм» и «пантуркизм» реально не получили в стране существенного влияния, но «прежняя власть с особой озабоченностью относилась к малейшим проявлениям идей панисламизма и пантуркизма и сурово

⁵ Данную Рыбаковым в апреле 1917 г. характеристику роли и значения новометодного движения стоит сопоставить с вышедшим тогда же обзором состояния мусульманского просвещения в России [32].

преследовала их «последователей». По мнению Рыбакова, «несравненно жизнеспособнее и серьезнее [оказалось – Д.А.] третье политическое течение среди русских мусульман – новометодное движение, вмещающее в себя все их стремления к культурному и национальному самоопределению.

Это движение, начавшееся с преобразования прежнего нелепого схоластического обучения в мусульманских школах [в преподавание – Д.А.] в духе новой европейской педагогики, охватило затем все стороны мусульманской жизни в целях оживления, освежения их на основах европейской и русской культуры... В этом движении сказалась одна присущая всему русскому мусульманству черта. Хотя последнее в своей массе представляет из себя разрозненные национальные группы, разъединенные различием языков, нравов, обычаев, экономических условий, но когда открылось среди них преобразовательное новометодное движение, то, наряду с разработкой разобщающих национальных начал обнаружилось у них одно объединяющее начало: все мусульманские народности стали создавать новую образовательную культуру на почве общей для них религии – ислама». Рыбаков считал, что царское МВД ошибочно оценивало роль «мусульманского фактора» в этом процессе, не понимая того, что в «новометодном движении» главное «не объединение мусульман на почве религии, а культурное и национальное самоопределение отдельных народностей». Он подчеркивал, что «стремление отдельных народностей к культурному и национальному самоопределению не является еще угрозой для целостности государства [и дорогой – Д.А.] к сепаратизму» [31]. Рыбаковым здесь было абсолютно точно подмечена суть основного противоречия между царскими сановниками и администраторами (от П.А. Столыпина и Д.А. Милютин до рядового провинциального чиновника) и мусульманской общественностью. Главной задачей империи, особенно со второй половины XIX в., была интеграция всех подданных монархии без различия языка и веры в «единое государственное целое». Ислам и силы, связанные с ним, стремились, насколько возможно, сохранить свою самобытность и существование и тем самым являлись помехой данной правительственной цели. Вместе с тем, признавая наличие здесь достаточно острого конфликта, необходимо подчеркнуть, что ислам был верой в Бога, Российская империя была государством, основанным

на вере в Бога и, за исключением наиболее фанатично настроенных представителей «официального православия», основная часть светских служащих аппарата империи и в начале XX в. понимала, что, несмотря на те или иные их субъективные желания, многомиллионная масса мусульман не изменит своей вере и с этим обстоятельством надо считаться. Конечно, многое в религиозной политике царизма не нравилось представителям «мусульманского духовенства» и мусульманской общественности. Те из них, кто пережил события 1917-1920 гг., смог на практике сравнить положение ислама в царской России и качественно иные условия его существования в новых исторических условиях [32].

Литература

1. Российская государственность XX века: материалы межвуз. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Н.П.Ерошкина, 16 дек. 2000 г. М.: РГГУ, 2001. 221 с.
2. Из черновых бумаг К.П.Победоносцева // Красный архив. 1926, т. 5 (18). С. 203-207.
3. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. (Изд. неофиц.) М., 1905. С. 78-88.
4. РГИА. ф. 1276, оп. 2, д. 622, л. 11-12.
5. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. XXXI-XXXIV, 14. / Под ред. А.С.Будиловича. СПб.: Тип. Э.Л.Пороховщиковой, 1905. ЛП, 366, IV с.
6. РГИА. ф. 1276, оп. 2, д. 593, л. 94-141.
7. РГИА. ф. 1276, оп. 2, д. 593.
8. АВПРИ. ф. 147, оп. 485, д. 1258, л. 218-237 об.
9. *Арапов Д.Ю.* Сергей Гаврилович Рыбаков (Биография и список основных работ) // Ислам в Российской империи: Законодательные акты, описания, статистика / составитель Д.Ю.Арапов. М., 2001. С. 332-335; *Арапов Д.Ю.* Чиновники в системе государственного регулирования ислама в Российской империи начала XX в. // Государственная власть и общество в России в XX веке. Материалы межвузовской научной конференции. М., 2004. С. 196.
10. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е испр. и дополн. М., 1983. 368 с.
11. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880-1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 432 с.
12. ГА РФ. ф. 102. Особый отдел ДП, 1910 г. оп. 240, д. 74, ч. 1, л. 38-46 об. Нами был опубликован ее основной текст, вошедший в состав «секретного» циркуляра ДП от 18 декабря 1910 г. // Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (по архивным материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел Россий-

- ской империи (Публ. Д.Ю.Арапова) // Сборник Русского Исторического общества, т. 5 (153). С. 130-132.
13. РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 566, л. 139-149.
 14. *Тарле Е.В.* Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. (1906 г.) // Тарле Е.В. Сочинения. М.: изд-во АН СССР, 1957, т. IV. 767 с.
 15. РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 576, л. 115-137.
 16. *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. С. 301-302.
 17. РГИА. ф. 821, оп. 113, д. 525, л. 35-75.
 18. *Ямаева Л.А.* Мусульманская фракция Государственной думы России (1906-1917) // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М.: Восточная литература, 1999. С. 64-66.
 19. РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 566, л. 285-296.
 20. РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 470, л. 110-135.
 21. См. подр.: *Ланда Р.Г.* Мусульманский мир и первая мировая война // Восток. 2004. № 1. С.57-72.
 22. АВПРИ. ф. 144, оп. 490/з, д. 458, л. 23-26.
 23. *Арапов Д.Ю.* «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42-44.
 24. РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 639, л. 9-23; «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане». Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. (Публ. Д.Ю.Арапова) // Исторический архив. 2004, № 1. С. 105-115; С.Г.Рыбаков о пропаган-
 - де кайзеровской Германии среди мусульман // РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 634, л. 11-15. Изд.: *Арапов Д.Ю. С.Г.Рыбаков о немецком влиянии в мусульманском мире.* 1916 г. // Вестник архивиста. 2004, № 5.
 25. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. С. 304.
 26. ГАРФ. ф. 102. Особый отдел ДП. 1916 г., оп. 246, д. 74, л. 20-22
 27. *Пережудова З.И.* Полицейский сыск в России. С.87-92.
 28. ГАРФ. ф. 102. Особый отдел ДП. 1916 г. оп. 246, д. 74. л. 40-41.
 29. ГАРФ. ф. 102. Особый отдел ДП. 1916 г. оп. 246, д. 74, л. 72-75. Изд.: «Идет неуловимая пока работа политического перевоспитания мусульман». Департамент полиции о мусульманах в последний год монархии Романовых. (Публ. Д.Ю.Арапова) // Источник. 2002, № 4. С. 54-56.
 30. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб. 1996, с. 669-672. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В.Ананьич. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. С.
 31. РГИА. ф. 821, оп. 133, д. 567, л. 10 об. – 14 об.; *Арапов Д.Ю.* «На почве общей для них религии – ислама» С.Г.Рыбаков о мусульманском движении в России // Источник, 2003, № 4. С. 10-14.
 32. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М.: Изд-во МГЛУ, 2004. С. 254-297.

ОРЕНБУРГ ИСЛАМ ДИНЕ ВӘКИЛЛӘРЕ ЖЫЕНЫ МИСАЛЫНДА 1905-1917 НЧЕ ЕЛЛАР РОССИЯ ИМПЕРИЯСЕНДӘ ИСЛАМНЫ ДӘҮЛӘТИ КӨЙЛӘҮ СИСТЕМАСЫ

Дмитрий Юрьевич Арапов,
М.В.Ломоносов ис. Мәскәү дәүләт университеты,
Мәскәү ш., Ленинские горы ур., 1,
historicbetzy777@yandex.ru

Тәкъдим ителгән мәкалә 1905-1907 нче елгы инкыйлабтан алып 1917 нче ел Февраль инкыйлабына кадәр чорда Оренбург округындагы ислам дине вәкилләре жыены мисалында Россия империясендә исламны дәүләти көйләү системасын өйрәнүгә багышланган. Анда шулай ук Эчке эшләр министрлыгы (МВД) вәкилләре тәкъдимнәре, мөселман мәсьәләсен хәл итүгә бәйле махсус киңәшмәләр анализлана.

Төп төшенчәләр: ислам, Россия империясе, Оренбург ислам дине вәкилләре жыены, дәүләти көйләү, чит ил вәкилләренең Дини эшләр департаменты.